

Карлик Нос

Вильгельм Гауф

ГОСПОДИН! Совсем не правы люди, думающие, что феи и волшебники существовали только во времена Гаруна аль-Рашида, властелина Багдада, или даже утверждающие, что те повествования о духах и их повелителях, которые слышишь от рассказчиков на городских рынках, неверны. Феи существуют ещё и теперь, и не так давно я сам был свидетелем одного происшествия, в котором явно участвовали духи.

Много лет тому назад в одном значительном городе моего милого отечества, Германии, скромно и честно жил сапожник с женой. Днём он сидел на углу улицы и чинил башмаки и туфли. Делал он, может быть, и новые, если это кто-нибудь доверял ему; но в таком случае он должен был сперва покупать кожу, так как был беден и не имел запасов. Его жена продавала овощи и фрукты, которые разводила в маленьком садике за городом, и многие охотно покупали у неё, потому что она была чисто и опрятно одета и умела красиво разложить и выставить свой товар.

У них был красивый мальчик, приятный лицом, хорошо сложенный и для своего восьмилетнего возраста уже довольно большой. Он обыкновенно сидел около матери на овощном рынке, относил также часть плодов домой тем женщинам или поварам, которые много закупали у жены сапожника, и редко возвращался с такой прогулки без красивого цветка, монетки или пирога, потому что господам этих поваров было приятно видеть, когда приводили в дом красивого мальчика, и они всегда щедро одаривали его.

Однажды жена сапожника, по обыкновению, опять сидела на рынке; перед ней было несколько корзин с капустой и другими овощами, разные травы и семена, а также, в корзиночке поменьше, ранние груши, яблоки и абрикосы. Маленький Якоб – так звали мальчика – сидел около матери и звонким голосом выкликал товары: «Посмотрите, господа, сюда, какая прекрасная капуста, как душисты эти травы! Ранние груши, сударыни, ранние яблоки и абрикосы, кто купит? Моя матушка отдаст очень дешево!»

Так кричал мальчик.

В это время на рынок пришла одна старуха. Она имела немного оборванный вид, маленькое острое лицо, совершенно сморщенное от старости, красные глаза и острый кривой нос, касавшийся подбородка.

Шла она, опираясь на длинную палку, и всё-таки нельзя было сказать, как она шла, потому что она хромала, скользила и шаталась, как будто на ногах у неё были колеса, и каждую минуту она могла опрокинуться и упасть своим острым носом на мостовую.

Жена сапожника стала внимательно разглядывать эту женщину. Ведь уже шестнадцать лет, как она ежедневно сидела на рынке, и никогда не замечала этой странной фигуры. Она невольно испугалась, когда старуха заковыляла к ней и остановилась у её корзины.

– Вы Ханна, торговка овощами? – спросила старуха неприятным, хриплым голосом, беспрестанно тряся головой.

– Да, это я, – отвечала жена сапожника. – Вам что-нибудь угодно?

– Посмотрим, посмотрим! Поглядим травки, поглядим травки! Есть ли у тебя то, что мне нужно? – сказала старуха.

Она нагнулась и влезла обеими тёмно-коричневыми отвратительными руками в корзину, схватила своими длинными паукообразными пальцами так красиво и изящно разложенные травки, а потом стала подносить их одну за другой к длинному носу и обнюхивать. У жены сапожника почти защемило сердце, когда она увидела, что старуха так обращается с её редкими травами, но она ничего не решилась сказать, ведь покупатель имел право рассматривать товар, и, кроме того, она почувствовала перед этой женщиной непонятный страх.

Пересмотрев всю корзину, старуха пробормотала:

– Дрянь, дрянная зелень, из того, что я хочу, нет ничего. Пятьдесят лет тому назад было гораздо лучше. Дрянь, дрянь!

Такие слова рассердили маленького Якоба.

– Слушай, ты, бесстыжая старуха! – сердито закричал он. – Ты сперва лезешь своими гадкими коричневыми пальцами в прекрасные травы и мнешь их, потом держишь их у своего длинного носа, так что их никто больше не купит, кто видел это, а теперь ты ещё бранишь наш товар дрянью; а ведь у нас всё покупает даже повар герцога!

Старуха покосилась на смелого мальчика, противно засмеялась и сказала хриплым голосом:

– Сынок, сынок! Так тебе нравится мой нос, мой прекрасный, длинный нос? У тебя будет на лице такой же и до самого подбородка!

Говоря так, она скользнула к другой корзине, в которой была разложена капуста. Она брала в руку великолепнейшие белые кочны, сжимала их так, что они трескали, потом опять в беспорядке бросала их в корзину и говорила при этом:

– Дрянной товар, дрянная капуста!

– Только не раскачивай так гадко головой! – испуганно воскликнул малютка. – Ведь твоя шея тонка, как кочерыжка, она легко может переломиться, и твоя голова упадёт в корзину. Кто ж тогда захочет купить?

– Тебе не нравятся тонкие шеи, – со смехом пробормотала старуха. – У тебя совсем не будет шеи! Голова будет торчать в плечах, чтобы не упасть с маленького тельца!

– Не болтайте с маленьким о таких ненужных вещах, – сказала наконец жена сапожника, рассерженная долгим перебиранием, рассматриванием и обнюхиванием. – Если хотите купить что-нибудь, то поторопитесь: ведь вы у меня отгоняете всех других покупателей.

– Хорошо, пусть будет по-твоему! – воскликнула старуха со злобным взглядом. – Я куплю у тебя эти шесть кочанов. Но посмотри, я должна опираться на палку и ничего не могу нести. Позволь своему сынку отнести товар ко мне на дом, я дам ему за это хорошую награду.

Малютка не хотел идти с ней и заплакал, боясь безобразной женщины, но мать строго приказала ему идти, считая, конечно, грехом взвалить эту ношу только на старую, слабую женщину. Чуть не плача, он сделал, как ему приказала мать: сложил кочаны в платок и пошёл за старухой по рынку.

Она шла не очень скоро, и понадобилось почти три четверти часа, пока они пришли в самую отдалённую часть города и остановились перед маленьким, ветхим домом. Там она вынула из кармана старый заржавленный крючок, ловко всунула его в маленькую скважину в двери, и вдруг дверь, щёлкнув, сразу отворилась. Но как поразился маленький Якоб, когда вошёл! Внутренность дома была великолепно украшена, потолок и стены были из мрамора, мебель – из прекраснейшего чёрного дерева и выложена золотом и шлифованными камнями, а пол был из стекла и такой гладкий, что малютка несколько раз поскользнулся и упал. Старуха вынула из кармана серебряный свисток и засвистала на нём мелодию, которая звучно раздалась по дому. По лестнице тотчас же сошли несколько морских свинок. Якобу показалось очень странным, что они шли на двух ногах и вместо башмаков имели на лапах ореховые скорлупки. Они были одеты в человеческие одежды, и даже на головах у них были шляпы по новейшей моде.

– Где мои туфли, негодные твари? – закричала старуха и ударила их палкой, так что они с воем подпрыгнули. – Долго ли мне ещё так стоять!

Они быстро запрыгали вверх по лестнице и опять явились с парой скорлуп кокосового ореха, подбитых кожей, которые они ловко надели старухе на ноги.

Теперь у старухи прошла вся хромота и шатание в стороны. Она отбросила палку и стала очень быстро скользить по стеклянному полу, увлекая с собой за руку маленького Якоба. Наконец она остановилась в комнате, уставленной разной мебелью и похожей на кухню, хотя столы из красного дерева и покрытые богатыми коврами диваны подходили скорее к парадной комнате.

– Сядь, сынок, – очень ласково сказала старуха, прижимая Якоба в угол дивана и ставя перед ним стол так, что он уже не мог выйти оттуда, – сядь, тебе было очень тяжело нести. Человеческие головы не так легки, не так легки!

– Сударыня, что за странности вы говорите? – воскликнул малютка. – Я, правда, устал, но ведь то были кочаны, которые я нёс. Вы их купили у моей матушки.

– Э, ты знаешь, что это неверно, – захохотала старуха, открыла крышку корзины и вынула человеческую голову, схватив её за волосы.

Малютка был вне себя от ужаса, он не мог понять, как всё это произошло, и подумал о своей матери. Если кто узнает что-нибудь об этих человеческих головах, подумал он про себя, то, наверно, мою матушку обвинят за это.

– Теперь надо дать и тебе что-нибудь в награду за то, что ты так послушен, – пробормотала старуха, – потерпи только минуточку, я накрошу тебе супцу, который ты будешь помнить всю жизнь.

Так она сказала и опять засвистела. Сперва явилось много морских свинок в человеческих одеждах; на них были повязаны кухонные фартуки, а за поясом были половники и большие ножи. За ними прискакало множество белок; они ходили на задних лапах, на них были широкие турецкие шаровары, а на голове белки имели зелёные бархатные шапочки. Это были, по-видимому, поварята, потому что они очень проворно взбирались на стены, доставали сверху сковороды и блюда, яйца и масло, травы и муку и несли всё это на плиту. А у плиты беспрестанно сновала старуха в своих туфлях из кокосовых скорлуп, и малютка видел, что она очень старается сварить ему что-то хорошее. Вот огонь затрещал сильнее, вот на сковороде задымилось и закипело, и в комнате распространился приятный запах. Старуха забегала взад и вперёд, а белки и морские свинки – за ней. Проходя мимо плиты, она каждый раз совала свой длинный нос в горшок. Наконец кушанье закипело и зашипело, из горшка поднялся пар, и на огонь полилась пена. Тогда она сняла горшок, налила из него в серебряную чашку и поставила её перед маленьким Якобом.

– Вот, сынок, вот, – сказала она, – поешь только этого супчика – у тебя будет всё, что тебе так понравилось у меня. Ты будешь и искусным поваром, чтобы тебе быть хоть чем-нибудь, но травки... нет, травки ты никогда не найдешь. Почему её не было в корзине у твоей матери?

Малютка не вполне понял, что она сказала, и тем внимательнее занялся супом, который ему очень понравился. Мать готовила ему много вкусных кушаний, но такого он ещё никогда не пробовал. От супа шёл аромат тонких трав и корней; при этом суп был в одно и то же время сладок, кисловат и очень крепок. Между тем как Якоб ещё доедал последние капли прекрасного кушанья, морские свинки закурили аравийский ладан, который понёсся по комнате голубоватыми облаками. Эти облака делались всё гуще и гуще и спускались вниз. Запах ладана подействовал на малютку усыпительно: он мог сколько угодно кричать, что ему нужно вернуться к матери, очнувшись, он опять погружался в дремоту и, наконец, действительно заснул на диване старухи.

Ему снились странные сны. Ему представлялось, что старуха снимает с него одежду и вместо неё обертывает его беличьей шкуркой. Теперь он мог прыгать и лазить, как белка; он жил вместе с остальными белками и морскими свинками, которые были очень учтивыми, воспитанными особами, и вместе с ними служил у старухи. Сперва им пользовались только для чистки обуви, то есть он должен был намазывать маслом кокосовые орехи, которые хозяйка носила вместо туфель, натирать их и делать блестящими. Так как в отцовском доме его часто приучали к подобным занятиям, то это дело шло у него на лад. Спустя приблизительно год, снилось ему дальше, его стали употреблять для более тонкой работы: он вместе с еще несколькими белками должен был ловить пылинки и, когда их было достаточно, просеивать их через тончайшее волосяное сито. Дело в том, что хозяйка считала пылинки самым нежным веществом, и так как, не имея уже ни одного зуба, не могла хорошо разжевывать пищу, то велела готовить ей хлеб из пылинок.

Ещё через год его перевели в слуги, собиравшие старухе воду для питья. Не подумайте, что она велела вырыть ей для этого бассейн или поставила на дворе кадку, чтобы собирать в неё дождевую воду, – это делалось гораздо хитрее: белки и Якоб должны были черпать ореховыми скорлупками росу с роз, и это было у старухи водой для питья. Так как она пила очень много, то у водоносов была тяжелая работа. Через год его назначили для внутренней службы в доме. У него была обязанность чистить полы, а так как они были из стекла, на котором видно было всякое дыхание, то это была не пустяшная работа. Слуги должны были чистить их щеткой, привязывать к ногам старое сукно и искусно ездить на нём по комнате. На четвёртый год его наконец перевели на кухню. Это была почётная должность, которой можно было достигнуть только после долгого испытания. Якоб прослужил в ней, начиная с поваренка и до первого пирожника, и достиг такой необыкновенной ловкости во всем, что касается кухни, что часто удивлялся самому себе. Самым трудным вещам, паштетам из двухсот сортов эссенций, супам из зелени, составленным из всех трав на земле, всему он научился, всё умел делать скоро и вкусно.

Так на службе у старухи прошло около семи лет, когда однажды, сняв кокосовые башмаки и взяв в руку корзину и костыль, чтобы уйти, она велела ему ощипать курочку, начинить её травами и к её возвращению хорошенько поджарить до коричневатого и жёлтого цвета. Он стал делать это по всем правилам искусства. Свернул курочке шею, обварил её в горячей воде, ловко ощипал перья, потом соскоблил с неё кожу, так что она стала гладкой и нежной, и вынул из неё внутренности. Затем он стал собирать травы, которыми должен был начинить курочку. В кладовой для трав он на этот раз заметил в стене шкафчик, дверцы которого были полуоткрыты и которого прежде он никогда не замечал. Он с любопытством подошёл ближе, чтобы посмотреть, что он содержит, – и что же, в нём стояло много корзиночек, от которых шёл сильный, приятный аромат! Он открыл одну из этих корзиночек и нашёл в ней травку особенного вида и цвета. Стебель и листья были сине-зелёными и имели наверху маленький цветок огненно-красного цвета с жёлтой каёмкой. Якоб в раздумье стал рассматривать этот цветок и даже понюхал его. Цветок издавал тот же самый крепкий запах, которым некогда пахнул суп, сваренный ему старухой. Но запах был так силен, что Якоб стал чихать и, чихая, наконец проснулся.

Он лежал на диване старухи и с удивлением смотрел вокруг. «Нет, но как живо можно видеть во сне! – сказал он сам себе. – Ведь теперь я готов бы поклясться, что был презренной белкой, товарищем морских свинок и другой гадости, но при этом стал великим поваром. Как будет смеяться матушка, когда я все расскажу ей! Однако не будет ли она также бранить, что я засыпаю в чужом доме, вместо того чтобы помогать ей на рынке?» С этими мыслями он вскочил, чтобы уйти. Его тело было еще совсем онемевшим от сна, особенно затылок, и потому он не мог

поворачивать голову. Он должен был даже посмеяться над собой, что он такой сонный, ибо он ежеминутно натыкался носом на шкаф или на стену или ударялся им о косяк двери, если быстро оборачивался. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг него, как будто хотели проводить его; он и действительно пригласил их с собой, когда был на пороге, потому что это были хорошенькие зверьки, но они, в своих ореховых скорлупках, быстро вернулись в дом, и он только вдали слышал их вой.

Та часть города, куда его завела старуха, была довольно отдалённой, и он едва смог выбраться из узких переулков. При этом там была большая давка, потому что, как ему показалось, должно быть, как раз вблизи показывали карлика. Он везде слышал восклицания: «Эй, посмотрите на уродливого карлика! Откуда явился этот карлик? Эй, что за длинный нос у него, как у него торчит из плеч голова! А руки, бурые, безобразные руки!» В другое время он, пожалуй, тоже побежал бы, потому что очень любил смотреть великанов, карликов или редкие иноземные одежды, но теперь он должен был торопиться прийти к матери.

Когда он пришёл на рынок, ему сделалось совсем жутко. Мать ещё сидела там и имела в корзине довольно много плодов; следовательно, он не мог долго проспать. Но ему уже издали показалось, что она очень печальна, потому что она не зазывала прохожих купить у неё, а подпирала голову рукой, и когда он подошёл ближе, ему показалось также, что она бледнее обыкновенного. Он был в нерешимости, что ему делать; наконец собрался с духом, подкрался к ней сзади, ласково положил свою ладонь на её руку и сказал:

– Мамочка, что с тобой? Ты сердишься на меня?

Женщина обернулась к нему, но с криком ужаса отшатнулась.

– Что тебе надо от меня, мерзкий карлик? – воскликнула она. – Прочь, прочь! Я терпеть не могу подобных шуток!

– Матушка, что же это с тобой? – спросил совсем испуганный Якоб. – Тебе, верно, неможется; почему же ты гонишь от себя своего сына?

– Я тебе уже сказала, убирайся прочь! – сердито возразила Ханна. – У меня ты ни гроша не получишь за своё ломанье, мерзкий урод!

«Право, Бог отнял у неё свет разума! – сказал сам себе огорчённый малютка, – Что только мне сделать, чтобы привести её в себя?»

– Милая матушка, будь же благоразумна. Посмотри только на меня хорошенько – ведь я твой сын, твой Якоб!

– Нет, теперь эта шутка становится слишком наглой! – крикнула Ханна своей соседке. – Посмотрите только на этого уродливого карлика! Вот он стоит, наверно отгоняет у меня всех

покупателей и смеет издеваться над моим несчастьем. Он говорит мне: «ведь я твой сын, твой Якоб», нахал!

Тогда соседки поднялись и стали так сильно ругаться, как только могли, а это торговки, вы хорошо знаете, умеют.

Они ругали его, что он насмехается над несчастьем бедной Ханны, у которой семь лет тому назад украли её красивого мальчика, и грозили все вместе накинуться на него и исцарапать его, если он тотчас не уйдёт.

Бедный Якоб не знал, что ему думать обо всём этом. Ведь сегодня утром, как ему казалось, он по обыкновению пошёл с матерью на рынок, помог ей разложить плоды, потом пришёл со старухой в её дом, поел супа, немного поспал и теперь опять здесь. А, однако, матушка и соседки говорили о семи годах! И они называли его гадким карликом! Что же теперь произошло с ним?

Когда он увидел, что мать совсем уж не хочет слышать о нём, на глазах у него выступили слёзы, и он печально пошёл вниз по улице к лавке, где его отец целый день чинил башмаки. «Посмотрю, – думал он про себя, – так же ли он не узнает меня; я стану у двери и заговорю с ним». Подойдя к лавке сапожника, он стал у двери и заглянул в лавку. Мастер был так усердно занят своей работой, что совсем не видал его, но случайно бросив один раз взгляд на дверь, он уронил на землю башмаки, дратву и шило и с ужасом воскликнул:

– Боже мой, что это, что это!

– Добрый вечер, мастер! – сказал малютка, совсем входя в лавку. – Как ваши дела?

– Плохо, плохо, маленький барин! – отвечал отец, к большому изумлению Якоба; ведь, по-видимому, он его тоже не узнал. – Дело у меня не клеится. Хотя я один и теперь становлюсь стар, а всё-таки подмастерье для меня слишком дорог.

– А разве у вас нет сына, который мог бы мало-помалу помогать вам в работе? – продолжал спрашивать малютка.

– У меня был сын, его звали Якобом, и теперь он должен бы быть стройным, ловким двадцатилетним молодцом, который славно помогал бы мне. Ах, вот была бы жизнь! Уже когда ему было двенадцать лет, он показывал себя таким способным и ловким и уже многое понимал в ремесле, был также красив и мил; он привлекал бы ко мне заказчиков, так что я скоро уже не занимался бы починкой, а поставлял бы только новое! Но так всегда бывает на свете!

– А где же ваш сын? – дрожащим голосом спросил Якоб у своего отца.

– Это знает только Бог, – отвечал он. – Семь лет тому назад, да, теперь это уже так давно, его с рынка украли у нас.

– Семь лет тому назад? – с ужасом воскликнул Якоб.

– Да, маленький барин, семь лет тому назад! Я ещё как сегодня помню, как моя жена пришла домой с воем и криком, что ребёнок целый день не возвращался, что она везде спрашивала,

искала и не нашла его. Я всегда думал и говорил, что это так и случится. Якоб, надо сказать, был красивым ребёнком. Так вот моя жена гордилась им, любила видеть, когда люди хвалили его, и часто посылала его в богатые дома с овощами и тому подобным. Это было, положим, хорошо: его каждый раз щедро одаривали, но, говорил я, смотри – город велик, много дурных людей живёт в нём, смотри у меня за Якобом! И случилось так, как я говорил. Однажды на рынок приходит старая, безобразная женщина, покупает плоды и овощи и, наконец, покупает столько, что сама не может унести. Моя жена, как сострадательная душа, даёт ей с собой мальчика и – до сих пор его уж не видала.

– И этому теперь семь лет, вы говорите?

– Семь лет будет весной. Мы объявляли о нём, мы ходили из дома в дом и спрашивали. Многие знали красивого мальчика, любили его и искали вместе с нами – всё напрасно. Никто не знал даже имени женщины, которая покупала овощи, а одна старуха, прожившая уже девяносто лет, сказала, что это была, вероятно, злая фея Травница, которая раз в пятьдесят лет приходит в город закупать себе всякие травы.

Так говорил отец Якоба и при этом сильно стучал по своим башмакам и обоими кулаками далеко вытягивал дратву. А малютке мало-помалу стало ясно то, что произошло с ним: он видел не сон, а семь лет прослужил белкой у злой феи. Его сердце так наполнилось гневом и скорбью, что чуть не разрывалось. Старуха похитила у него семь лет его молодости, а что у него было взамен этого? Разве что он умел хорошо чистить туфли из кокосовых орехов, умел убирать комнату со стеклянными полами? Научился от морских свинок всем тайнам кухни?

Так он простоял некоторое время, размышляя о своей судьбе, когда наконец отец спросил его:

– Может быть, вам угодно что-нибудь из моей работы, молодой барин? Например, пару новых туфель или, – прибавил он, улыбаясь, – может быть, футляр для вашего носа?

– Что вам до моего носа? – сказал Якоб. – Зачем же мне нужен для него футляр?

– Ну, – возразил сапожник, – у всякого свой вкус, но должен сказать вам, что если бы у меня был этот ужасный нос, я заказал бы себе для него футляр из розовой, лаковой кожи. Смотрите, вот у меня под рукой прекрасный кусочек; конечно, для этого потребовалось бы, по крайней мере, локоть. Но как хорошо он предохранял бы вас, маленький барин! Я вполне уверен, что так вы натываетесь на каждый косяк, на каждую повозку, от которой хотите посторониться.

Малютка стоял, онемев от ужаса. Он стал ощупывать свой нос: нос был толст и длинной, вероятно, в две ладони! Таким образом, старуха изменила и его наружность, – поэтому-то мать и не узнала его, поэтому его и называли безобразным карликом!

– Мастер! – сказал он сапожнику чуть не плача. – Нет ли у вас под рукой зеркала, в которое я мог бы посмотреть на себя?

– Молодой барин, – серьёзно отвечал отец, – вы получили совсем не такую наружность, которая могла бы сделать вас тщеславным, и у вас нет причины ежеминутно глядеть в зеркало. Отвыкайте от этого, это, особенно у вас, – смешная привычка.

– Ах, так дайте мне всё-таки посмотреть в зеркало, – воскликнул малютка, – уверяю, это не из тщеславия!

– Оставьте меня в покое, у меня нет зеркала! У моей жены есть зеркальце, но я не знаю, где она его спрятала. А если вам непременно нужно посмотреть в зеркало, то через улицу живёт цирюльник Урбан, у него есть зеркало вдвое больше вашей головы. Посмотрите там в него, а пока прощайте!

С этими словами отец тихонько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь и опять сел за работу.

А малютка, очень огорчённый, пошёл через улицу к цирюльнику Урбану, которого хорошо знал ещё по прежнему времени.

– Здравствуйте, Урбан! – сказал он ему. – Я пришёл просить вас об одном одолжении. Будьте так добры и позвольте мне немного посмотреть в ваше зеркало.

– С удовольствием, вон оно стоит! – со смехом воскликнул цирюльник, а его посетители, которым он должен был брить бороды, тоже громко засмеялись. – Вы красивый малый, стройный и тонкий, шейка у вас, как у лебедя, а ручки, как у королевы, и вздернутый носик, красивее которого нельзя видеть. Правда, поэтому вы немного тщеславны, но всё-таки посмотрите на себя; пусть обо мне не говорят, что я из зависти не дал вам смотреть в моё зеркало.

Так сказал цирюльник, и цирюльню огласил смех, похожий на ржание. А малютка между тем встал перед зеркалом и посмотрел на себя. На глазах у него выступили слёзы.

«Да, таким ты, конечно, не могла узнать своего Якоба, милая матушка, – сказал он сам себе. – Он имел не такой вид в те счастливые дни, когда ты любила гордиться им перед людьми!»

Его глаза сделались маленькими, как у свиньи, нос стал огромным и свешивался ниже рта и подбородка, шея была как будто совершенно отнята, потому что голова сидела глубоко в плечах, и только с очень сильной болью он мог поворачивать её направо и налево. Его тело было ещё таким же, как семь лет тому назад, когда ему было двенадцать лет, но тогда как другие с двенадцатого до двадцатого года растут в вышину, он рос в ширину, спина и грудь сильно выгнулись и имели вид маленького, но очень туго набитого мешка. Это толстое туловище сидело на маленьких, слабых ножках, которые, казалось, выросли не для этой тяжести. Зато тем больше были руки, висевшие на его туловище. Они были величиной, как у вполне взрослого человека, кисти рук были грубы и буро-жёлтого цвета, пальцы длинные и паукообразны, и когда он совершенно вытягивал их, то мог, не нагибаясь, доставать ими до земли.

Такой вид имел маленький Якоб – он превратился в уродливого карлика!

Теперь он вспомнил и то утро, когда старуха подошла к корзинам его матери. Все, что он тогда ругал в ней, длинный нос, безобразные пальцы, все она приворожила ему, кроме только длинной дрожащей шеи.

– Ну, принц, теперь вы вдоволь нагляделись? – сказал цирюльник, подходя к нему и со смехом осматривая его. – Право, если бы захотелось увидеть во сне что-нибудь подобное, такого смешного никому не могло бы представиться. Однако я хочу сделать вам одно предложение, маленький человек. Хотя мою цирюльню хорошо посещают, но все же с недавнего времени не так, как я желаю. Это происходит потому, что мой сосед, цирюльник Шаум, где-то разыскал великана, который у него приманивает в дом посетителей. Ну, быть великаном совсем не штука, а таким человечком, как вы, – да, это уж другое дело! Поступайте ко мне на службу, маленький человек. У вас будет квартира, еда, питье, одежда, у вас будет всё. За это вы будете становиться утром у моих дверей и приглашать публику заходить, вы будете взбивать мыльную пену, подавать посетителям полотенце, и будьте уверены, что при этом нам обоим будет хорошо! У меня будет больше посетителей, чем у того цирюльника с великаном, и каждый охотно даст вам ещё на чай.

Малютка внутренне был возмущен предложением служить для цирюльника приманкой. Но разве он не должен был терпеливо перенести это оскорбление? Поэтому он совершенно спокойно сказал цирюльнику, что для такой службы у него нет времени, и пошёл дальше.

Хотя злая старуха изуродовала его наружность, однако она ничего не могла сделать с его рассудком.

Это он хорошо сознавал, ведь он думал и чувствовал уже не так, как семь лет тому назад. Нет, ему казалось, что в этот промежуток времени он стал умнее, рассудительнее. Он горевал не о своей утраченной красоте, не об этой уродливой наружности, а только о том, что его, как собаку, гонят от отцовской двери. Поэтому он решил сделать ещё одну, последнюю попытку.

Он пошёл к матери на рынок и попросил её спокойно выслушать его. Он напомнил ей о том дне, когда он пошёл со старухой, напомнил ей обо всех отдельных случаях своего детства, потом рассказал ей, как он семь лет прослужил у феи белкой и как она превратила его, потому что тогда он бранил её. Жена сапожника не знала, что ей думать. Всё, что он рассказывал ей о своем детстве, было верно, но когда он стал говорить о том, что в течение семи лет был белкой, она сказала:

– Это невозможно и колдуний не существует!

Когда же она взглянула на него, то почувствовала отвращение к уродливому карлику и не поверила, чтобы это мог быть её сын. Наконец она сочла самым лучшим поговорить об этом с мужем. Поэтому она собрала свои корзины и велела ему идти с ней. Вот они пришли к лавке сапожника.

– Посмотри-ка, – сказала она ему, – вот этот человек уверяет, что он наш пропавший Якоб. Он рассказал мне всё: как его семь лет тому назад украли у нас, и как его заколдовала фея.

– Как? – с гневом прервал её сапожник. – Это он рассказал тебе? Постой, негодяй! Только час тому назад я всё рассказал ему, а теперь он идёт дурачить тебя этим! Ты заколдован, сынок? Постой же, я тебя опять расколдую!

При этом он взял пучок только что нарезанных им ремней, подскочил к малютке и ударил его по горбатой спине и по длинным рукам, так что малютка закричал от боли и с плачем убежал.

В том городе, как везде, было мало сострадательных душ, которые помогли бы несчастному, имевшему притом что-то смешное в наружности. Поэтому случилось так, что несчастный карлик целый день оставался без пищи и питья и вечером должен был выбрать для ночлега церковную паперть, как ни холодна и жёстка она была.

Когда же на другое утро его разбудили первые лучи солнца, он стал серьёзно раздумывать о том, как ему влачить свою жизнь, потому что отец и мать прогнали его. Он чувствовал себя слишком гордым, чтобы служить вывеской цирюльника, он не хотел наняться к фокуснику и показывать себя за деньги. Что же он должен был делать? Тогда ему вдруг пришло в голову, что, будучи белкой, он сделал большие успехи в поварском искусстве. Ему не без основания казалось, что он может надеяться поспорить со многими поварами, и он решил воспользоваться своим искусством.

Поэтому, как только на улицах стало оживлённое утро вполне наступило, он вошёл сперва в церковь и помолился, а затем отправился в путь. Герцог, государь той страны, был известным кутилой и лакомкой, любившим хороший стол и разыскивавшим своих поваров во всех частях света. Малютка отправился к его дворцу. Когда он подошёл к наружным воротам, привратники спросили, что ему нужно, и стали насмехаться над ним. Он же спросил главного смотрителя кухни. Они засмеялись и повели его через передние дворы; везде, куда он приходил, слуги останавливались, смотрели ему вслед, громко смеялись и присоединялись, так что мало-помалу вверх по лестнице дворца двигался уже огромный хвост всевозможных слуг. Конюхи побросали свои скребницы, гонцы побежали, как только могли, полотеры забыли выколачивать ковры; все толпились и стремились, была такая давка, как будто у ворот был враг, и крик: «Карлик, карлик! Видели вы карлика?» наполнял воздух.

Вот в дверях показался смотритель дома с сердитым лицом и огромной плетью в руке.

– Ради самого неба, собаки, что вы поднимаете такой шум! Не знаете вы, что государь ещё спит?

При этом он взмахнул бичом и довольно грубо опустил его на спины некоторых конюхов и привратников.

— Ах, господин! — воскликнули они. — Разве вы не видите! Вот мы ведём карлика, карлика, какого вы ещё не видали!

Увидав малютку, смотритель дворца с трудом удержался от громкого смеха, боясь повредить им своему достоинству. Поэтому он прогнал остальных плетью, отвёл малютку в дом и спросил, что ему нужно. Услыхав, что карлик хочет к смотрителю кухни, он возразил:

— Ты ошибаешься, сынок! Ты хочешь ко мне, смотрителю дома. Ты хочешь быть у герцога лейб-карликом, не так ли?

— Нет, господин! — отвечал карлик. — Я искусный повар и опытен в разных редких кушаньях. Отведите меня, пожалуйста, к главному смотрителю кухни; может быть, ему понадобится моё искусство.

— У всякого своё желание, маленький человечек! Впрочем, ты всё-таки нерассудительный малый. В кухню! Как у лейб-карлика у тебя не было бы работы, а еды и питья — сколько душе угодно, а ещё красивые одежды. Однако посмотрим, едва ли твоё поварское искусство ушло так далеко, как нужно главному повару государя, а для поварёнка ты слишком хорош.

С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повёл в комнаты главного смотрителя кухни.

— Милостивый государь! — сказал там карлик и поклонился так низко, что коснулся носом ковра на полу. — Не нужен ли вам искусный повар?

Главный смотритель кухни оглядел его с головы до ног, потом разразился громким смехом и воскликнул:

— Как? Ты повар? Ты думаешь, наши плиты так низки, что ты можешь заглянуть хоть на одну, если встанешь на цыпочки и хорошенько вытянешь голову из плеч? О, милый крошка! Кто послал тебя ко мне, чтобы наняться в повара, тот одурачил тебя!

Так сказал главный смотритель кухни и громко засмеялся, а вместе с ним засмеялся смотритель дворца и все слуги, бывшие в комнате.

Но карлик не смутился.

— Что стоит одно или два яйца, немного сиропа и вина, муки и приправ в доме, где этого вдоволь? — сказал он. — Задайте мне приготовить какое-нибудь лакомое кушанье, принесите, что нужно для него, и оно на ваших глазах быстро будет готово, а вы должны будете сказать: да, он повар по всем правилам искусства!

Такие и подобные речи повёл малютка, и странно было смотреть, как сверкали при этом его маленькие глазки, как извивался туда и сюда его длинный нос, а его тонкие паукообразные пальцы вторили его речи.

– Хорошо! – воскликнул смотритель кухни и взял смотрителя дворца под руку. – Хорошо, шутки ради пусть будет так. Пойдемте на кухню!

Они прошли несколько зал и коридоров и наконец пришли на кухню. Это было большое, просторное здание, великолепно устроенное. На двадцати плитах постоянно горел огонь, чистая вода, служившая в то же время для рыбного садка, протекала посреди них. В шкафах из мрамора и драгоценного дерева были расставлены припасы, которые всегда нужно иметь под рукой, а направо и налево было десять зал, и в них было сложено всё, что можно найти дорогого и лакомого для гастронома во всех странах Франкистана и даже на Востоке. Разная кухонная прислуга суетилась, стучала и гремела котлами и сковородами, вилками и половниками, но когда в кухню вошёл главный смотритель, все они неподвижно остановились, и слышен был только треск огня и журчание ручейка.

– Что приказал государь сегодня к завтраку? – спросил он первого старого повара, приготавливавшего завтраки.

– Господин, он изволил приказать датский суп и красные гамбургские клецки!

– Хорошо, – сказал смотритель кухни дальше. – Ты слышал, что хочет государь кушать? Возьмешься ли ты приготовить эти трудные кушанья? Клецков ты ни в каком случае не сделаешь, это секрет.

– Нет ничего легче этого, – отвечал ко всеобщему изумлению карлик, который белкой часто делал эти кушанья. – Нет ничего легче! Дайте мне для супа таких-то и таких-то трав, тех и этих пряностей, жира дикой свиньи, кореньев и яиц; а для клёцков, – сказал он тише, так что это могли слышать только смотритель кухни и повар, приготавливавший завтраки, – для клёцков мне нужно мясо четырёх сортов, немного вина, утиного сала, имбиря и одной травки, которая называется «радостью для желудка».

– Ба! Клянусь святым Бенедиктом! У какого волшебника ты учился? – с изумлением воскликнул повар. – Он сказал всё до последней капли, а о такой травке мы даже и не знали; да, она должна сделать клёцки ещё вкуснее. О, ты – чудо-повар!

– Этого я и не подумал бы, – сказал главный смотритель кухни, – однако дадим ему сделать пробу. Дайте ему вещи и посуду, которые он просит, и пусть он приготовит завтрак.

Сделали так, как он велел, и всё приготовили на плите; но тогда оказалось, что карлик едва мог достать до плиты носом. Поэтому составили несколько стульев, положили на них мраморную доску и пригласили маленького удивительного человека начинать свой фокус. Повара, поварята, слуги и разный народ обступили его большим кругом, смотрели и изумлялись, как у него в руках всё шло проворно и ловко, как он приготавливал всё так чисто и изящно. Окончив приготовления, он велел поставить оба блюда на огонь и варить до тех пор, пока он не крикнет. Потом он стал считать «раз, два, три» и так дальше, а как только сосчитал до пятисот, воскликнул: «Стой!» Горшки были сняты, и малютка пригласил смотрителя кухни попробовать.

Главный повар велел поварёнку подать ему золотую ложку, ополоснул её в ручье и передал главному смотрителю кухни; последний с торжественным видом подошёл к плите, взял кушанье, попробовал, зажмурил глаза, щёлкнул от удовольствия языком и затем сказал:

– Превосходно, клянусь жизнью герцога, превосходно! Не хотите ли вы тоже отведать ложечку, смотритель дворца?

Смотритель дворца поклонился, взял ложку, попробовал и был вне себя от удовольствия и радости.

– Ваше искусство почтенно, любезный приготовитель завтраков, вы опытный повар, но так превосходно вы не могли сделать ни суп, ни гамбургские клецки!

Тогда попробовал и повар, затем почтительно потряс карлику руку и сказал:

– Малыш! Ты мастер своего искусства! Да, травка «радость для желудка» придаёт всему совсем особенную прелесть.

В эту минуту в кухню пришёл камердинер герцога и объявил, что государь спрашивает завтрак. Тогда кушанья были положены на серебряные подносы и посланы герцогу, а главный смотритель кухни взял малютку в свою комнату и стал беседовать с ним. Но едва они пробыли там половину того времени, в которое говорят «Отче наш» (это молитва франков, господин, и она короче половины молитвы правоверных), как от герцога уже явился посланный и позвал главного смотрителя кухни к государю. Смотритель быстро оделся в своё праздничное платье и последовал за посланным.

Герцог имел очень весёлый вид. Он съел всё, что было на серебряных подносах, и только что утёр себе бороду, как к нему вошёл главный смотритель кухни.

– Послушай, смотритель кухни, – сказал герцог, – я до сих пор всегда был очень доволен твоими поварами, но скажи мне – кто сегодня приготавливал мой завтрак? С тех пор как я сижу на троне своих отцов, он никогда не был таким превосходным! Говори, как звать этого повара, чтобы нам послать ему в подарок несколько червонцев.

– Государь! Это удивительная история, – отвечал главный смотритель кухни и подробно рассказал, как сегодня утром к нему привели какого-то карлика, который непременно хотел сделаться поваром, и как всё это произошло.

Герцог очень удивился, велел позвать к нему карлика и стал расспрашивать его, кто он и откуда. Бедный Якоб не мог, конечно, сказать, что был заколдован и раньше служил белкой. Однако он не утаил правды, рассказав, что теперь у него нет отца и матери и что стряпать он научился у одной старой женщины. Герцог не стал спрашивать дальше; его забавляла странная наружность нового повара.

— Если останешься у меня, — сказал он, — то я велю ежегодно давать тебе пятьдесят червонцев, праздничное платье и ещё, сверх того, две пары шаровар. А за это ты должен ежедневно сам готовить мой завтрак, должен показывать, как нужно готовить обед, и вообще заведовать моей кухней. Так как каждый в моём дворце получает от меня особое имя, то ты будешь называться Носом и будешь облечён званием помощника смотрителя кухни.

Карлик Нос упал ниц перед могущественным герцогом земли франков, целовал ему ноги и обещал верно служить.

Таким образом, теперь малютка на первое время был пристроен, и он сделал честь своему месту. Ведь можно сказать, что герцог был совсем другим человеком, пока в его доме жил карлик Нос. Прежде он часто изволил бросать в голову поварам блюда или подносы, которые ему подавали; мало того, однажды в гневе он так сильно бросил в лоб самому главному смотрителю кухни жареную телячью ногу, которая была недостаточно мягка, что тот упал и должен был три дня пролежать в постели. Хотя несколькими горстями червонцев герцог исправил сделанное в гневе, но всё-таки повар никогда не приходил к нему с кушаньями без страха и трепета. С тех пор как в доме был карлик, все казалось превращенным, как по волшебству. Теперь государь вместо трёх раз кушал пять раз в день, чтобы вполне насладиться искусством своего самого маленького слуги, и всё-таки никогда не показывал гневного выражения. Нет, он всё находил новым, превосходным, был снисходителен и любезен и толстел изо дня в день.

Среди обеда он часто приказывал позвать смотрителя кухни и карлика Носа, сажал к себе одного направо, другого налево и своими собственными пальцами совал им в рот несколько кусков превосходных кушаний — милость, которую оба они умели хорошо ценить.

Карлик был чудом города. У главного смотрителя кухни неотступно просили позволения посмотреть, как карлик готовит, и некоторые из знатнейших лиц добились у герцога того, что их слуги могли пользоваться у карлика на кухне уроками, что приносило ему немало денег, так как каждый ежедневно платил полчервонца. А чтобы пользоваться хорошим расположением у остальных поваров и не возбуждать их зависти к себе, Нос предоставлял им деньги, которые господа должны были платить за обучение своих поваров.

Так, в наружном довольстве и почёте Нос прожил почти два года, и его огорчала только мысль о родителях. Так он жил, не испытывая ничего замечательного, пока не произошёл следующий случай. Карлик Нос был особенно искусен и счастлив в своих покупках. Поэтому всякий раз, когда ему позволяло время, он всегда сам ходил на рынок закупать дичь и овощи. Однажды утром он пошёл на гусиный рынок и стал искать тяжелых, жирных гусей, каких любил государь. Осматривая

товар, он уже несколько раз прошёл взад и вперёд. Его фигура, совсем не возбуждая здесь смеха и шуток, теперь внушала уважение. Ведь его, как знаменитого придворного повара герцога, признали, и каждая торговка гусями чувствовала себя счастливой, когда он поворачивал к ней свой нос.

Вот он увидел совсем в конце ряда, в углу, сидевшую женщину, которая тоже продавала гусей, но не расхваливала своего товара, как остальные, и не зазывала покупателей. Он подошёл к ней и стал мерить и взвешивать её гусей. Они были такими, каких он желал, и он купил трех гусей вместе с клеткой, взвалил их на свои широкие плечи и пошёл в обратный путь. Ему показалось странным, что только двое из этих гусей гоготали и кричали, как обыкновенно делают настоящие гуси, а третья гусыня сидела совсем тихо, углубившись в себя, и стонала, как человек. «Она больна, – сказал Нос про себя, – мне надо поспешить заколоть её и приготовить». Но гусыня отвечала совершенно ясно и громко:

Станешь колоть ты меня, —
укушу я тебя.
Если шею мне свернёшь, —
рано в могилу сойдёшь.

Совершенно перепуганный карлик Нос поставил свою клетку на землю, а гусыня посмотрела на него прекрасными, умными глазами и вздохнула.

— Тьфу, пропасть! – воскликнул Нос. — Ты умеешь говорить, гусыня? Этого я не предполагал. Ну, только не бойся! Мы умеем жить и не посягнем на такую редкую птицу. Но я готов держать пари, что ты не всегда была в этих перьях. Ведь я сам был когда-то мерзкой белкой.

— Ты прав, – отвечала гусыня, – говоря, что я родилась не в этой позорной оболочке. Ах, у моей колыбели мне не пели, что Мими, дочери великого Веттербока, суждено быть убитой на кухне герцога!

— Будь же спокойна, дорогая Мими, – утешал её карлик. — Клянусь своей честью и честью помощника смотрителя кухни его светлости, что никто не свернёт тебе шею. Я отведу тебе помещение в своих собственных комнатах, ты будешь иметь достаточно корма, а своё свободное время я буду посвящать беседе с тобой. Остальной кухонной прислуге я скажу, что откармливаю гуся для герцога разными особыми травами, а как только представится удобный случай – выпущу тебя на свободу.

Гусыня со слезами поблагодарила его, а карлик сделал так, как обещал. Он заколол двух других гусей, а для Мими устроил особое помещение, под предлогом приготовить её для герцога совершенно особенно. Он даже давал ей не обыкновенный гусиный корм, а доставлял печенье и сладкие блюда. Всякий раз как у него было свободное время, он ходил беседовать с ней и утешать её. Они также рассказали друг другу истории своей жизни, и таким образом Нос узнал, что гусыня – дочь волшебника Веттербока, живущего на острове Готланде. Он поссорился с одной старой

феей, которая своим коварством и хитростью победила его, из мести превратила Мими в гусыню и унесла её сюда. Когда карлик Нос точно так же рассказал Мими свою историю, она проговорила:

– Я опытна в этих вещах. Мой отец дал мне и моим сёстрам некоторое наставление. История ссоры у корзины с травами, твоё внезапное превращение, когда ты понюхал той травки, также некоторые слова старухи, которые ты сказал мне, убеждают меня, что ты заколдован травами, то есть если ты найдёшь траву, которую фея задумала при твоём превращении, то можешь быть освобожден.

Для малютки это было ничтожным утешением; в самом деле, где ему было найти эту траву? Однако он всё же поблагодарил Мими и возымел некоторую надежду.

В это время герцога посетил его друг, соседний государь. Поэтому герцог призвал к себе своего карлика Носа и сказал ему:

– Теперь настало время, когда ты должен показать, верно ли ты служишь мне и мастер ли ты своего искусства. Этот государь, посещающий меня, кушает, как известно, лучше всех, кроме меня. Он большой знаток тонкой кухни и умный человек. Постарайся теперь ежедневно так готовить мой обед, чтобы он всё более приходил в изумление. При этом ты, под страхом моей немилости, ни одно кушанье не должен подавать два раза, пока он здесь. Для этого ты можешь брать себе у моего казначея всё, что только тебе нужно. И если тебе надо жарить в сале золото и брильянты – делай это. Я хочу скорее сделаться бедняком, чем краснеть перед ним.

Так говорил герцог. А карлик, учтиво кланяясь, сказал:

– Да будет так, как ты говоришь, государь! Если будет угодно Богу, я всё сделаю так, что этому царю гастрономов понравится.

Вот маленький повар стал изощрять всё своё искусство. Он не щадил сокровищ своего государя, а ещё меньше самого себя. Действительно, целый день его видели окутанным облаком дыма и огня, и его голос постоянно раздавался под сводами кухни, потому что он, как повелитель, отдавал приказания поварятам и низшим поварам. Господин! Я мог бы поступить, как погонщики верблюдов из Алеппо, которые в своих повестях, рассказываемых путешественникам, заставляют героев роскошно кушать. Они в продолжение целого часа называют все блюда, которые подавались, и этим возбуждают в своих слушателях большой аппетит и ещё больший голод, так что те невольно открывают запасы, обедают и щедро одевают погонщиков верблюдов – но я не таков.

Иностранный государь пробыл у герцога уже две недели и жил роскошно и весело. Они кушали не меньше пяти раз в день, и герцог был доволен искусством карлика, потому что видел довольство

на челе своего гостя. А на пятнадцатый день случилось так, что герцог велел позвать карлика к столу, представил его государю, своему гостю, и спросил последнего, как он доволен карликом.

– Ты чудесный повар, – отвечал иностранный государь, – и знаешь, что значит прилично поесть. Во все время, пока я здесь, ты не повторил ни одного кушанья и всё приготавливал превосходно. Но скажи же мне, почему ты так долго не подаёшь царя кушаний, паштет Сюзерен.

Карлик очень испугался, потому что никогда не слыхал об этом царе паштетов, однако собрался с духом и отвечал:

– Государь, я надеялся, что твой лик ещё долго будет сиять в этой резиденции, поэтому и ждал с этим кушаньем. Ведь чем же повару и приветствовать тебя в день отъезда, как не царем паштетов!

– Вот как? – смеясь возразил герцог. – А меня ты хотел, вероятно, заставить ждать до моей смерти, чтобы тогда приветствовать меня? Ведь и мне ты ещё никогда не подавал этого паштета. Однако подумай о другом прощальном приветствии, потому что завтра ты должен поставить на стол этот паштет.

– Да будет так, как ты говоришь, государь! – отвечал карлик и пошёл.

Но он пошёл невеселым, потому что наступил день его посрамления и несчастья. Он не знал, как ему сделать паштет. Поэтому он пошёл к себе в комнату и стал плакать о своей судьбе. Тогда к нему подошла гусыня Мими, которая могла расхаживать у него в комнате, и спросила о причине его горя.

– Уйми свои слезы, – сказала Мими, услышав о Сюзерене, – это блюдо часто подавалось на стол у моего отца, и я приблизительно знаю, что для него нужно. Ты возьмешь того-то и того-то, столько-то и столько-то, и если даже это не вполне всё, что, собственно, нужно для паштета, то у государей не будет такого тонкого вкуса.

Так сказала Мими. А карлик от радости подпрыгнул, благословил тот день, когда купил эту гусыню, и собрался готовить царя паштетов. Сперва он сделал небольшую пробу, и что же – паштет имел превосходный вкус! Главный смотритель кухни, которому карлик дал попробовать его, снова стал восхвалять его обширное искусство.

На другой день он поставил паштет в большей форме и, украсив его венками из цветов, послал его на стол тёплым, прямо из печки, а сам надел свое лучшее праздничное платье и пошёл в столовую. Когда он вошёл, главный кравчий был занят как раз тем, что разрезывал паштет и на серебряной лопаточке подавал его герцогу и гостю. Герцог положил в рот порядочный кусок, поднял глаза к потолку и, проглотив его, сказал:

– Ах! ах! ах! Недаром его называют царем паштетов. Но мой карлик тоже царь всех поваров, не так ли, милый друг?

Гость взял себе несколько маленьких кусков, попробовал, внимательно рассмотрел их и при этом язвительно и таинственно улыбнулся.

– Приготовлено очень хорошо, – отвечал он, отодвигая тарелку, – но это всё-таки не вполне Сюзерен, что я, конечно, и предполагал.

Тогда герцог от гнева нахмурил лоб и покраснел от стыда.

– Собака карлик! – воскликнул он. – Как ты смеешь поступать так со своим государем? Или в наказание за скверную стряпню я должен отрубить тебе твою большую голову?

– Ах, государь! Ради самого неба, я ведь приготовил это блюдо по всем правилам искусства; в нём есть, наверно, всё! – сказал карлик и задрожал.

– Это ложь, негодяй! – возразил герцог и ногой оттолкнул его от себя. – Иначе мой гость не сказал бы, что чего-то не хватает. Я велю разрубить тебя самого и зажарить в паштет!

– Сжальтесь! – воскликнул малютка, подполз на коленях к гостю и обнял его ноги. – Скажите, чего не хватает в этом кушанье, что оно вам не по вкусу! Не дайте умереть человеку из-за куска мяса и горсти муки!

– Это тебе мало поможет, милый мой Нос, – со смехом отвечал иностранец, – я уже вчера подумал, что ты не сможешь приготовить это кушанье так, как мой повар. Знай, что не хватает травки, которая в этой стране совсем неизвестна, травки «кушай на здоровье». Без неё паштет остаётся без приправы, и твой государь никогда не будет есть его так, как я.

Тогда повелитель Франкистана пришёл в неистовое бешенство.

– А все-таки я буду есть его! – воскликнул он, сверкая глазами. – Клянусь своей царской честью, или я завтра покажу вам паштет, какой вы желаете, или голову этого молодчика, воткнутую на воротах моего дворца! Ступай, собака, я ещё раз даю тебе двадцать четыре часа времени!

Так кричал герцог, а карлик, плача, опять пошёл к себе в комнатку и стал жаловаться гусыне на свою судьбу и на то, что ему придётся умереть, так как он никогда не слышал об этой траве.

– Если только это, – сказала гусыня, – то я, пожалуй, могу помочь тебе; ведь мой отец научил меня узнавать все травы. Правда, в другое время ты, может быть, не избежал бы смерти, но, к счастью, как раз новолуние, а в это время та травка цветёт. Но скажи, есть ли вблизи дворца старые каштановые деревья?

– Да! – с облегчённым сердцем отвечал Нос. – У озера, в двухстах шагах от дома, стоит целая роща, но зачем они?

– Эта травка цветёт только в тени старых каштанов, – сказала Мими. – Поэтому не станем терять времени и будем искать то, что тебе нужно. Возьми меня к себе на руки, а снаружи спусти на землю; я тебе помогу искать.

Он сделал так, как она сказала, и пошёл с ней к воротам дворца. Но там караульный протянул свое оружие и сказал:

– Добрый мой Нос, твоё дело плохо – тебе нельзя выходить из дому. Я имею на это строжайший приказ.

– Но в сад я ведь могу, наверно, пойти? – возразил карлик. – Будь так добр, пошли одного из своих товарищей к смотрителю дворца и спроси, нельзя ли мне пойти в сад поискать трав.

Караульный сделал так, и позволение было дано; ведь в саду были высокие стены, и о бегстве из него нельзя было и думать. Когда же Нос с Мими вышли на свободу, он бережно спустил её на землю, и она быстро пошла впереди его к озеру, где стояли каштаны. Он следовал за ней с трепещущим сердцем, потому что это была его последняя, единственная надежда. Если Мими не найдёт травки, он твердо решился скорее броситься в озеро, чем дать себя обезглавить. Но гусыня искала напрасно: она ходила под всеми каштанами, переворачивала клювом каждую травку – ничего не показывалось. От жалости и страха Нос заплакал, потому что в саду темнело, и искать что-то становилось всё труднее.

Тогда взоры карлика упали за озеро, и вдруг он воскликнул:

– Смотри, смотри, там за озером стоит ещё одно большое старое дерево! Пойдем туда и поищем, может быть, там цветёт моё счастье!

Гусыня вспорхнула и полетела вперед, а карлик так быстро побежал за ней, как только могли его маленькие ноги. Каштановое дерево бросало большую тень, кругом было темно и почти ничего уже нельзя было узнать, но вдруг гусыня остановилась, захлопала от радости крыльями, потом быстро залезла головой в высокую траву, что-то сорвала и, грациозно подав это клювом изумлённому Носу, сказала:

– Это та самая травка, и здесь её растёт множество, так что у тебя никогда не будет недостатка в ней.

Карлик задумчиво стал рассматривать траву. От неё полился приятный аромат, который невольно напомнил малютке сцену его превращения. Стебель и листья были синевато-зелёными, и на них был ярко-красный цветок с жёлтой каёмкой.

– Хвала Богу! – воскликнул он наконец. – Какое чудо! Знаешь, мне кажется, это та самая трава, которая из белки превратила меня в этот мерзкий вид. Не попробовать ли мне?

– Нет ещё, – попросила гусыня. – Возьми с собой горсть этой травы, пойдём в твою комнату и захватим поскорее твои деньги и прочее, что у тебя есть, а потом испытаем силу травы.

Они так и сделали – пошли назад в его комнату. От ожидания сердце карлика сильно забилось. Завязав в узел пятьдесят или шестьдесят накопленных червонцев вместе с несколькими платьями и башмаками, он засунул свой нос глубоко в траву и, сказав: «Если будет угодно Богу, я избавлюсь от этого бремени», потянул в себя её аромат.

Тогда все его члены стали вытягиваться и затрещали. Он чувствовал, как его голова поднималась из плеч. Он скосил глаза вниз, на свой нос, и увидел, что нос становится всё меньше и меньше. Его спина и грудь стали выравниваться, а ноги сделались длиннее.

Гусыня с изумлением смотрела на всё это.

– Ба! Какой ты большой, какой ты красивый! – воскликнула она. – Слава Богу, у тебя уже ничего нет от всего того, чем ты был прежде!

Якоб очень обрадовался, сложил руки и стал молиться. Но радость не заставила его забыть, какой благодарностью он обязан гусыне Мими. Хотя сердце влекло его к родителям, однако из благодарности он подавил это желание и сказал:

– Кого другого мне благодарить за своё избавление, как не тебя? Без тебя я никогда не нашёл бы этой травы, так что должен был бы вечно оставаться в том виде или, может быть, даже умереть под топором палача! Хорошо. Я вознагражу тебя за это. Я отвезу тебя к твоему отцу. Он, такой опытный во всяком волшебстве, легко сможет расколдовать тебя.

Гусыня залилась радостными слезами и приняла его предложение. Якоб, счастливый и никем не узанный, вышел с гусыней из дворца и отправился в путь к морскому берегу, к родине Мими.

Что мне рассказывать дальше? Что они счастливо совершили своё путешествие; что Веттербок расколдовал свою дочь и отпустил Якоба, осыпав его подарками; что Якоб вернулся в свой родной город, и его родители с радостью узнали в красивом молодом человеке своего пропавшего сына; что на подарки, принесенные от Веттербока, Якоб купил себе прекрасную лавку и стал богат и счастлив?

Ещё я скажу только то, что после удаления Якоба из дворца герцога поднялась большая суматоха, потому что его нигде не могли найти, когда на другой день герцог захотел исполнить свою клятву и велел отрубить карлику голову, если он не нашёл трав. Государь же утверждал, что герцог тайно дал ему убежать, чтобы не лишиться своего лучшего повара, и обвинял герцога в вероломстве. А из-за этого между обоими государями возникла большая война, которая хорошо известна в истории под именем «травяная война». Было дано много сражений, но наконец всё-таки был заключен мир, и этот мир у нас называют «миром паштетов», потому что на торжестве примирения повар государя приготовил царя паштетов, Сюзерен, который герцог ел с большим аппетитом.

Так малейшие причины часто приводят к неожиданным великим последствиям, и вот, господин, история карлика Носа.